

ВАЦЛАВ ВОРОВСКИЙ

ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ
(СОН ПОД НОВЫЙ
ГОД)

Вацлав Вацлавович Воровский

Переименования

(Сон под Новый год)

Аннотация

«Как уважающий себя мастеровой непременно „полощет зубы“ в понедельник, так и уважающий себя фельетонист непременно должен видеть сон под Новый год.

Обыкновенно фельетонисты стараются видеть новогодний сон за несколько дней, чтобы его успели своевременно набрать и напечатать в новогоднем номере.

Но – в качестве фавна – я недоступен мелким человеческим слабостям и видел новогодний сон под самый Новый год. Вот чем объясняется позднее появление его в печати...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Вацлав Воровский

Переименования

(Сон под Новый год)

Как уважающий себя мастеровой непременно «полощет зубы» в понедельник, так и уважающий себя фельетонист непременно должен видеть сон под Новый год.

Обыкновенно фельетонисты стараются видеть новогодний сон за несколько дней, чтобы его успели своевременно набрать и напечатать в новогоднем номере.

Но – в качестве фавна – я недоступен мелким человеческим слабостям и видел новогодний сон под самый Новый год. Вот чем объясняется позднее появление его в печати.

Я спал в ту ночь в лесу, зарывшись в кучу прошлогодних листьев.

Мне снилось, что я камергер и премьер-министр (о, не морщите так грозно брови, – ведь это только сон!)

Я был одет в нарядный, шитый золотом кафтан; мои косматые ноги были покрыты прекрасными белыми штанами, а копыта скрыты в тонких лакированных ботинках.

Я посмотрел на себя в зеркало и, действительно, очень походил на камергера и премьера какого-нибудь маленького государства – например, Монако.

Я сидел за большим, таким удобным столом (о, если бы в

нашей редакции были такие столы!), играл серебряным разрезным ножом, – а передо мной проходила вереница изящных военных и штатских чиновников с докладами и частных просителей.

Мой секретарь – почтенный старичок, лысый, бритый, с толстыми, сластолюбивыми губами – представлял мне посетителей.

– Сегодня суббота, банный день, – заметил он, – сегодня поступают только дела очистительные... дела о переименованиях, – добавил он, увидя мой недоумевающий взгляд.

В это время, звеня шпорами, вбежал молодой, красивый офицер – адъютант.

Я заметил, как при виде его загорелись глаза у моего секретаря и как он беспокойно заерзал на стуле. Офицер был, действительно, красив.

Дело касалось ходатайства штаба о переименовании слова «экспроприация» в слово «грабеж» и слова «террор» в слово «убийство».

Я, конечно, принципиально мог только прийти в восторг от этого; но меня смутило одно обстоятельство.

– А не будет ли иметь что-нибудь против этого Академия наук? – спросил я. – Знаете, какие теперь времена – того и гляди в неграмотности уличат... либералы и пр...

– О, не беспокойтесь, – весело возразил офицер, – мы, ведь, знаем академию: там все люди, заслуживающие дове-

рия. А какой-нибудь Овсяннико-Куликовский¹... так ведь он только почетный академик... О, я вам ручаюсь...

– Ну, если вы ручаетесь, – сказал я и быстро подмахнул бумагу.

Офицер выпорхнул, как на крыльях, звеня шпорами и оставляя раздражающий запах ваксы.

Вошел седой, почтенный старичок, с фуражкой морского ведомства в руке. Это было открытое, благородное лицо верного гражданина, преданного отцу семейства, неподкупного человека.

¹ *Овсяннико-Куликовский*, Дмитрий Николаевич (1853-1920) – известный буржуазный литературовед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.